
Холодный ветер дул без передышки,
гоняя мусор по двору. Взахлёб
я думал о несбывшемся, не бывшем
ни в жизни, ни во сне, только что б

ни говорили вещие старухи,
за прялкой сидя, нитка удалась
на славу, да и этот грязный угол
всегда мог обеспечить нервам связь

с огромным миром – подлинным и мнимым,
заговорившим без обиняков
о том, что в нём казнимо, что хранимо,
о том, где мелко и где глубоко.

Поэтому, чем громче дробь и россыпь
Отходов гуще, тем полнее миг,
прекрасный от обилия вопросов,
ужасный – без тюрьмы и без сумы.

Иного потому не надо царства,
чем государство нищего двора,
и, даже раздели его я на сто,
любая часть – гарант грядущих прав

на целое... Пусть не найти управы
на боль, на стыд, на череду утрат,
но ветер любит правых и неправых,
и я учусь – все дни мои подряд.

Очевидно, есть повод расстаться без слёз,
потому что везде их достаточно. В слякоть
ничего не сбывается, и купорос
неба вряд ли годится на то, чтоб заляпать,

что уже оживает. И капает медь
листьев, точно гроши мимо шляпы слепого.
Может быть, лучше так – ничего не иметь,
чем просить друг у друга, уже обескровев,
муки, скуки. Достаточно их и без нас,
где осенние трата и порча всеобща...
Если жизнь не короче паскудного сна,
у нас есть ещё право на целую рошу.

День начнется с кукушки будильника,
обещающей долгую жизнь –
веский повод стать временным циником,
не взглянуть на туманную высь

или даль за окном, чтобы потчевать
птицу-душу отборной тщетою
и брести между глав неразборчивых
книги каменной города, с той

неизбежной страницы начав свой путь,
где ты вписан в подстрочник судьбой,
что готовит синицу кому-нибудь.
Есть журавлик, но он заводной.

Быть может, ночью стихнет ураган,
внушающий нам суеверный ужас.
И надо устоять вновь на ногах
и, вопреки всему, готовить ужин.

Пока шипит в конфорке синий газ,
есть время для попутных уточнений.
Где и когда – неведомо сейчас,
зато зачем – понятно без мучений.

Появятся и аппетит, и вкус,
к чему был прежде ветер безразличен –
к заученному как-то наизусть
рецепту перевода снов в наличность.

Тогда и голых фактов череда
не сможет соблазнить. Впадая в крайность,
не говори о ливне, ведь вода
имеет ту же цель и вид на дальность,

что и мечта или, возможно, жизнь.
Скажи о ветре, что разносит в щепки
вчерашний дом, построенный на лжи.
А в нём огонь и варят кофе крепкий.

Духота обещает быть долгой. Сама
осторожность закрыла контору, уснула,
лишь увидеть успев, не слезая со стула,
как распяли весну на сожжённых полях.

Спрячь, пожалуйста, небо, иначе сгорим
и уже никогда не придём, не приедем,
возвращаясь в себя, за удачами следом,
к золотым куполам наших лип. Хоть умри,

а до этой поры
путь обратный неведом,
как ни будет горяч наш порыв.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

День пасмурный, и хочется расчёт
взять вместе с лесом, бросив в грязь, на землю
что заработал. Повод упрощён
и, если разобраться, неприемлем.

Но бытию в среде небытия
довольно часто свойственна поспешность
в поступках, изменяющих шитья
фасон. И голым королём, конечно,

быть выгоднее, чем брести с сумой
и вызывать слепое отвращение
у тех, кто уберечь умеет свой
суровый мир (в момент перерождения)

от лишних взглядов, от того, что мне
подчас бывало так необходимо,
чтобы остаться контуром в окне,
когда постройка вид имела дыма.

Сейчас здесь охры больше, чем фасад
мог удержать бы. Мысли опадают
последними, как год и два назад
на сотни лет вперёд, во тьму – и дале...

Оглянись на моё настоящее
без тебя: голый сквер, пустота.
От бывшего живого изящества
чувства – не остаётся листа

золотого. Есть слёзная ересь
в виде инея (так по-мужски?).
Страсть, пролившаяся через
край надежды, достигла тоски

как естественной точки расчёта,
где слились и земные ноли,
и небесные крестики. Квота
притязаний ничтожна вдали

от любой из твоих бесконечностей,
из которых тебя не вернуть
мне туда, где лишь сердце мечется
на отрезке полжизни в длину.

Спокойной ночи, улица. Листва
осенних лип нежна и колыбельна.
Я говорю стихами, если так
кому-нибудь понятней, но бесцельно

любое слово, даже слабый вздох
или безмолвие. Поверь, за всяким
стремлением всегда одно из трёх,
здесь вышеназванных. Но одинаков

всегда итог. И мне хватило б сна,
чтобы забыть, как поутру начнутся
ходьба и шум, что боль предрешена...
Но липы счастье нашептать клянутся.

В РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ

Елене Дьяченко

Звезда в вышине. Всё иное забудь.
Снег чистый такой, чтобы чистым был путь.

Метёт, как тогда, как в пустыне мело.
И не разобрать, где добро и где зло.

Но вьюги мотив навсегда заучи –
сплетение вспышек зажжённой свечи

с горячими былями новых эпох
(и в каждой из них сто дремучих дорог).

Твоя же по снегу уходит туда,
где, мрак побеждая, сияет звезда.

Тонкий месяц воскрес. Генератор предчувствий,
он работает точно по графику снов,
утверждённому то ли безоблачной грустью,
то ли регентом памяти. Мир невесом

и прозрачен настолько, что мыслей медузы
норовят просочиться в другие тела,
а из парка глухого пернатый арузо
достигает вершин заповедных. Хвала

году, часу и тоненькой стрелке секундной,
что, от сердца отстав, оставляет в тени
вероломство событий, лишь песне подсудных.
Соловей за медлительность может казнить,

навсегда замолчав, – оправдать за поспешность
и в правах, днём утраченных, восстановить.
Надо много пройти. Я успею, конечно.
Только арфы коснусь – и душа не болит.

Сбереги горстку пепла от вспыльчивых букв,
от безудержных слов из сгоревшей тетради
моих бед, если клёна горячий испуг
проживёт ещё миг в золотом звукоряде;
если в голую степь не уйдут поезда
и на флейте рассветной хоть что-то сыграет
юность чистая о молодых городах,
утопающих в звёздной сирени окраин;
если губ переключка в реальности – шанс
отказаться от выверенных, но вчуже
расстояний от пунктов А, Б до нас;
если в талой воде янтарём свежих стружек –
обещание света, тепла, – уцелей
в суматохе кромешной сейчас и когда-то
для воскресного звука бессонных дверей
и для слова, забытого мной, благодати.